
Веление пошлости – прожить в безвыходном пространстве с мужественной мимикой и без оглядки на возможность измениться. Но трудно-то так отчего? И всем?

Откуда стихи? Невозможность не как предел возможности, а как приступ мысли. Действительность расслоена. Умение бережно сдвигать пласты требуется от художника.

Набоков: тусклая, прозрачно-пустая проза с блёстками недоговорённостей между определёнными стояками «кардинальных» фраз.

Пугаясь при встрече каждого нового человека, мы всё же останавливаемся в сомнении: может быть, это оно и есть – то самое, сужденное и прочитанное в жестах ста тысяч, прежде виденных.

Так всегда: смыкается повседневностью что-то важное, а потом – высветишь – и пойдёт кружиться, кружиться, пока не оформится. В сделанное верится меньше, чем в предполагаемое.

Истина требует подчинения (покорности?) Истина подобна судьбе? Ищешь, не зная, что в судьбе разложено. Значит, не ищешь, значит, только совершаешь движение.

Театр

Почтенный возраст драматургии. Восхищение экспериментом давно уступило место почтительному молчанию. Но эксперимент отвоевал часть прав у реальности. Театр – постоянный эксперимент, нацеленный на получение немедленных результатов от соприкосновения с жизнью.

И всякая невероятность прощается, и всякое преувеличение не губительно, если не нарушена сфера театральности и не исцарапана игровая поверхность.

В подходе к эксперименту с экспериментом – попытке обогатить или обеднить накопленный арсенал театральных средств – провинциальный театр, может быть, продолжает (или закрепляет) традиции московского. Хотя сами традиции пока не укоренены временем, то есть, не осели в сознании настолько, чтобы оформиться окончательно и оформить какой-то социальный опыт.